

Всякого только что родившегося младенца следует старательно омыть и, давши ему отдохнуть от первых впечатлений, сильно высечь со словами: «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!»

Если же, несмотря на такую экзекуцию, оный младенец станет проявлять писательские наклонности, то следует попробовать ласку. Если же и ласка не поможет, то махните на младенца рукой и пишите «пропало». Писательский зуд неизлечим.

А. П. Чехов

Пышнотелая брюнетка в серебристом смело обтягивающем платье томно извивалась под восточную музыку, изо всех сил пытаясь изобразить змею — символ уходящего года. Однако её жизнеутверждающие формы (мечта всех сладострастников), выпирающие из строгих рамок приличия, делали даму более похожей на сытую гусеницу, решившую поупражняться для ускорения пищеварения.

Ошалевшие от увиденного зрители подзадоривали танцовщицу одобрительными кивками и сдавленными шепотками:

— Вот Пороськова даёт! Ну, Ирка! Ну, артистка!

Столь бурную реакцию можно было бы оправдать, приведись случиться эдакому шоу среди ароматных калянных дымов ночного клуба, пивных испарений злачного бара или, на худой конец, вечера «для тех, кому за...», собравшего потёртых жизнью ловцов последнего шанса. Но призывный, исходящий соками вождения танец происходил не где-нибудь, а в районной библиотеке посреди бела дня! Студентка филфака Таня, не привыкшая ни к чему подобному, в смятении косилась то на бесстыже колышущуюся, рвущуюся на свободу плоть, то на зрительские ряды, охваченные неприличным ажиотажем. В её голове крутилась навязчивая мысль: «Чего ж это она так неумеренно на сексапил напирает, в зале же дети!»

Наконец вакханалия была прервана ещё более экзотическим явлением: на импровизированную сцену, изображая скакуна, выпрыгнула сухонькая бабушка в надетой вместо шапки голове лошади, неаккуратно вылепленной из

Юлия НИФОНТОВА

г. Барнаул

Безумная Бриджит

рассказ

папье-маше. В районе копчика вместо хвоста была прилажена целая копна разноцветных лент, бабуся ловко помахивала ими, помогая себе рукой. Но непропорционально огромная голова Буцефала то и дело опасно кренилась набок, грозя увлечь за собой и пригвоздить к полу шуплое тельце. В такие моменты престарелая пони забывала о весёлом хвосте, судорожно хваталась за гигантский череп, водружая его на место.

Вскоре из рифмованного диалога стало понятно, что символ наступающего года — карликовый скакун — изгоняет порочную одалиску как знак растленного прошлого, о котором и вспоминать-то ныне неприлично.

Тане вдруг пришла в голову неожиданная идея: если поменять исполнительниц ролями, то по фактуре они смотрелись бы весьма органично. Из госпожи Пороськовой получилась бы дородная, хоть и не первой свежести, но вполне себе рабочая кобылка, а из бабульки — мелкая, однако весьма ядовитая гадюка.

Действие напоминало новогодний утренник в детском саду с небольшим отличием: вместо детишек, облачённых в самодельные маскарадные костюмы, на стульчиках сидели увенчанные сединами мэтры художественного слова. Однако они радовались, хлопали в ладоши, топали и вообще выражали чувства с той же непосредственностью, что и малышня из средней группы.

Как и положено, для толерантно-демократического разнообразия в сплочённом коллективе имелся и собственный «плохиш». Низкорослый, коричневого от желчи злобный дедок, похожий на гнома, непрерывно копался в громко шуршащем пакете, без конца перекладывая его с места на место. Видимо, главной задачей сказочного человечка было во что бы то ни стало отравить пребывание враждебного людского окружения на чуждом ему празднике жизни.

«Что я тут делаю?» — пульсировала в Таниных висках назойливая покаянная мысль. Надо заметить, что девушка попала на представление не случайно, так как появилась на свет с врождённым, по её мнению, недугом, — страстью к сочинительству. Она уже давно стремилась найти в своём городе пишущее сообщество, но вырваться из суеи учебных буд-

ней удалось только в канун праздников. Это было не самое удачное время для вхождения в большую литературу, ведь нынче вся здешняя пишущая братия с головой окунулась в предновогоднюю круговерть.

Таня успела отметить, что в литературном клубе всё же присутствует один серьёзно настроенный человек, не одурманенный всеобщей атмосферой лёгкого помешательства. Болезненно худой, угрюмый тип сидел в дальнем углу аляповато украшенной аудитории и изо всех сил пытался слиться с фоном. Было видно, что само присутствие на данном мероприятии доставляет страдальцу настоящую муку.

Неоднократно его официально и с большой помпой представляли: сегодня, мол, на нашем празднике присутствует замечательный и широко известный... учитель и наставник... поэт и прозаик... член большого союза и вообще... весь из себя — мастер! От пафосных дифирамбов человек морщился, как от зубной боли, с трудом, как-то скрюченно приподнимался и, словно попав под обстрел устремлённых на него любопытствующих взоров, тут же падал на прежнее место. Таня мысленно окрестила горемыку Мастером, соотнеся его, конечно, с булгаковским персонажем: «Мастер после психушки... или, может, как раз ещё в ней, родимой!»

Представление шло согласно сценарному плану, сытая змея и карликовая лошадь громогласно и пафосно объявили: «ЛИТОСФЕРА!!!»¹ На обозрение высыпали представители литературного объединения, в просторечии — ЛИТО под названием «Сфера». Но непросвещённой в тонкостях терминологии Тане слово, естественно, послышалось слитно — литосфера, именно так, как и было произнесено ведущими.

Многочисленные, словно вышедшие из самих недр прашуры, стараясь оправдать название своей общины, схожее с твёрдой оболочкой земной коры, дорвавшись до микрофона, наперебой, будто сухими чёрствыми комками грунта щедро закидывали ни в чём не повинных зрителей бездарными графоманскими речёвками.

Впрочем, как и всегда, победила молодость. Втиснувшись в престарелые ряды дряхлеющих рифмоплётов, блестящая, в прямом смысле

¹ Литосфера — твёрдая оболочка земли.

этого слова, ведущая сразила хвалебным дифирамбом. На время декламации змейка водрузила себе на голову высоченную корону, позаимствованную у царевны из русских народных сказок, и протянула заскучавшему залу подгорелый лаваш на вышитом рушнике:

*— Мы с Новым годом поздравляем
наш клуб любимый, ты — наш Рай!
Венец труда тебе вручаем —
румянощёкий каравай.
Он «Сферой» сотворён единой
и по́лит по́том трудовым,
в нём опыт, разум и седины
и назиданье молодым!..*

— Да уж фигушки! Ешьте сами с волосами! — взорвал всеобщее благодушие раздражённый женский возглас, резкий и гортанный, словно предсмертный крик раненой чайки, — нет, вы слышали вообще, чем они свой каравай поливали?

Все присутствующие угрожающе зашикали, призывая смутьянку к дисциплине. Таня взглянула на возмутительницу спокойствия и оторопела. Рядом с ней сидела настоящая цыганка Рада из любимого старого фильма «Табор уходит в небо». Сходство было разительным даже не в том, что девушка с чертами лица исполнительницы кинороли была ко всему наряжена в цыганский костюм, а в печати свободомыслия и необузданных страстей на смуглом челе.

Интуитивно найдя в Тане единомышленницу, «гнедая» баламутка, нисколько не смущаясь общественного порицания, заговорщицки подмигнула, обнажив в голливудской улыбке белоснежные, ровные, как чеснок, зубы, представилась:

— Злата, а ты, знаю, Татьяна. Слышала, как ты с нашими перед началом балагана знакомилась.

Тане очень хотелось поговорить с новой знакомой, особенно расспросить её о загадочном Мастере. Чувствовалось в нём нечто неординарное. Однако, согласно церемониалу, вместе со всеми присутствующими им надлежало слушать бесконечный бред перезрелых стихотворцев. К исходу сороковой минуты словесной пытки тексты приобретали форму обещанного ранее «назиданья молодым»:

*— Давай-ка занимайся спортом,
ты бегай, прыгай и борись,
смотри, не увлекайся тортом
и береги ж ты свою жисьь.
И ничего, в снежки играйся,
пока ты дítя, мало лет,
да только матом не ругайся,
когда ты тоже будешь дед.*

Какое это имело отношение к Новому году и к поэзии вообще, было совершенно непонятно.

— Вот, знаешь, создаётся такое впечатление, будто они всем своим змеиным клубком занимаются групповым сексом... А это нафиг никому из них давно не надо... Всем скучно и противно... Но они почему-то вопреки всему продолжают, — жарко зашептала цыганка в Танино ухо.

Таня поёжилась, во-первых, от горячего воздуха, щекочущего ухо, а во-вторых, от того, что ромала, видимо, совсем не умела говорить тихо и её так называемый шёпот был слышен всему залу.

— Ну, тут вообще-то про «занимайся спортом», — попыталась отшутиться Таня, скорее из желания прервать безапелляционные оценки собеседницы, от которых ей становилось не по себе.

Наконец бабушка-конь и тётя-змея одарили выступающих ветеранов и инвалидов поэтического труда сувенирами из кумачового дедморозовского мешка. Начался конкурс на самый лучший костюм, свой образ нужно было не только продемонстрировать, но и представить четверостишьем. Воодушевлённый зал воспрял от затянувшейся сиесты.

Таня с нетерпением ждала выступления цыганки. Вопреки ожиданиям, Злата не стала оттачивать остроумие, пронзая злой эпиграммой откровенную графоманию, а, к огромному удовольствию публики, порадовала искромётным танцем. В нём было всё: безудержный задор и томный цыганский надрыв, мелькание цветастых юбок, изгибы молодого тела под звон браслетов и монист из чешуи блестящих монет.

Выступление Златы произвело ошеломляющее впечатление, особенно на мужскую поло-

вину публики. На несколько минут затих даже неуёмный гном, что продолжал копаться в своём шуршащем «на всю Ивановскую» целлофановом пакете. Зал разразился громкими и дружными аплодисментами, каких, наверное, ещё никогда не знали аскетичные стены библиотечного помещения.

Единственный человек, которому этот триумф стал откровенно неприятен, была серебристая змея-ведущая. Госпожа Пороськова даже не попыталась согнать с собственного лица выражение крайнего пренебрежения. Опустившись до мелкой мести, она безапелляционно сообщила собранию, что поскольку костюм не имеет поэтического представления, то награда данной претендентке не положена. Зал недовольно загудел.

Неожиданно для всех из своего угла поднялся Мастер и порывисто вышел на сцену: «Если позволите, то я представлю этот костюм!» Он прочёл стихотворение Марины Цветаевой «Цыганская свадьба» как настоящий артист, накрыв притихших слушателей волнами чистой пульсирующей энергии. «Да ему бы на большой сцене выступать или куда-нибудь диктором, — подумала изумлённая Таня. — Нет, всё ж таки я не зря сегодня потратила вечер!»

Ведущие вынуждены были одарить танцовщицу ёлочным шариком, а та в свою очередь жарко и бесстрашно наградила спасителя долгим поцелуем в губы, чем повторно сорвала бурные аплодисменты, переходящие в овации.

— Ирка Пороськова конкуренции не терпит, — объясняла Злата во время импровизированного фуршета.

Люди, обрадованные освобождением от пле-на обязательной литературной части, с наслаждением общались, чокаясь шампанским в пластиковых стаканчиках и поедая подсохшие разномастные бутерброды. Не зная больше никого из присутствующих и подчиняясь общему весёлому возбуждению, Таня внимала вновь обрётённой знакомице, что давала краткие, но весьма ёмкие характеристики присутствующим:

— Пороськова эта ещё покажет себя, помани моё слово. Тщеславна до беспредела. Ты слышала, какие она перлы выдавала?

— Да, честно говоря, как-то в памяти не застряло...

— О! Что ты! Всё про высокую духовность заливает, а саму от моего танца чуть кондрашка нехватила. Прямо скажем — симптом негативный.

— А это кто? — Таня украдкой кивнула в сторону Мастера.

— О, это ваше Талантище с большой буквы! Валериваныч — настоящий Поэт и человек! Попал сегодня как кур в ощи́п, и как им только удалось его на своё сборище заманить, ума не приложу!

— А бабушка-конь тоже стихи пишет?

— Петровна? Стихи? Я тя умоляю! Чувшь махровая. Она всю жизнь как заведённая завучем по воспитательной работе вкалывала, вот и не может до сих пор остановиться. Лезет, конечно, в калашный ряд, думает, активной культ-массовой работой завоюет право в большой союз влезть, вот и старается, скачет. Но, как говорится, знай сверчок свой шесток, каждый хорош на своём месте.

— Вот и я не знаю, где оно — моё место, — вздохнула Таня.

— Да так можно всю жизнь вздыхать и с мёртвой точки не сдвинуться. А хочешь, мы прямо вот сейчас и узнаем?

— Ка-ак?..

— Вот так. Дорогие друзья, минуточку внимания, в наш клуб сегодня первый раз пришёл новый человек. Поприветствуем. Это Татьяна! Будущий филолог. Попросим её что-нибудь прочесть. — Злата толкнула в бок онемевшую полупарализованную Таню. — Давай жги!

У Тани перехватило дыхание, и ей показалось, что её с размаху бросили в ледяную прорубь. Она никак не могла прийти в себя под прицелами любопытных глаз, но потом утонула в лукавых карих очах новой подруги и, чуть оттаяв, начала:

Так, значит, быть!

Пусть хрупок мир людей,

пусть старый дом, что, подбежав к обрыву

и повинувшись первому порыву,

глазами-окнами таращится во тьму...

Во время чтения девушка словно увидела старенький бабушкин домишко на крутом ко-согоре и её саму, маленькую и трогательную, в ситцевом платочке, крестящуюся на дальние

купола. Голос окреп, перестал дрожать. Хоть и стало Тане почему-то невыносимо жаль всех на свете людей, как наивных малышей, не ведающих о грядущих потрясениях, читала она порывисто и вдохновенно.

Таня закончила чтение, но никто из слушателей не двинулся с места, не поспешил вернуться к трапезе, не загалдел, не захлопал. Вокруг были только недоумённые лица в некоем лёгком оцепенении. «Тишина, почему такая вдруг тишина установилась! И зачем они так долго молчат?» — испугалась девушка.

Однако её оторопь наотмашь одной лишь короткой фразой разрушила Ирка Пороськова:

— Не, ну нынче каждый второй подражает Белле Ахмадулиной. И спрашивается, нафига?..

Толчок в спину, или «Волшебный пендель»

Ирка Пороськова с рождения жила в искусстве. Несмотря на свой солидный возраст, плюнув на условности, поступила учиться в институт культуры. Однако с учёбой у неё как-то не складывалось. И хоть выбрала она самый лёгкий, с её точки зрения, факультет «массовиков-затейников», но даже там среди разнообразных гуманитарных предметов встречались сложно запоминаемая история, никогда не читаемая литература и совсем уж невозможные для понимания логика и философия.

Из всех самых противных учебных предметов особенно выделялся один совершенно невыносимый: актёрское мастерство. Во-первых, Ирка не могла запомнить даже короткий простенький текст, хотя все свои самые длинные парадоксальные вирши могла читать километрами. Во-вторых, спец по речи выявил у неё массу каких-то дефектов: пришепётывание, картавость и некий неизвестный медицине диагноз — «мещанская грация». На сцендвижении её обзывали «слонякой» и «медвеж́акой».

Понятно, что девушка с такой «тонкой душевной организацией» не могла подвергаться столь болезненной пытке и потому напропалую прогуливала нелюбимые пары. Нить времени методично и незаметно сматывалась в тугую клубок, задолженности накапливались, и вот подошло время экзаменационного спектакля.

Ирка отважно махала ногами, залихватски хрюкала, стараясь выделиться среди задорного выводка поросят в постановке «Кошкин дом». И хотя «свинское семейство» включило в себя всех самых отъявленных прогульщиков и лоботрясов курса, «неуд» поставили только ей. Осознание пришло слишком поздно. Это был крах!!!

Кто-то из институтских доброхотов указал: «Беги вон за тем профессором, может, сжалится». Задыхаясь и размазывая чёрные ручейки слёз, она бежала за вредным преподавателем до самой остановки. Позабыв гордость и плюнув на самолюбие, Ирка назойливо канючила, дёргая бездушного палача за рукав пальто:

— Умоляю, пожалуйста... не выгоняйте меня из искусства! Я всё исправлю, я всё-всё сдам... пересдам...

В полном отчаянии, не замечая вялых сопровитвлений измотанного пожилого мужчины, осатаневшая Ирка ринулась за ним в подошедший троллейбус.

— Я не могла... Пожалейте... Войдите в положение... У меня ребёнок больной... Я мать-одиночка... — и это было почти правда, если не брать во внимание то, что пока Ирка барахталась в страстях своей бурной неразборчивой личной жизни, сынишка с младенчества жил на полном попечении её престарелой матери.

В холодном взгляде препода скользнула лёгкая тень чего-то человеческого, напоминающего сочувствие, и страдальца поняла — надо дожимать.

— Я всегда мечтала учиться в институте культуры! Я на всё, на всё готова, прошу!

— Ну, хорошо, — тяжело вздохнув, прошелестел профессор. — Я дам вам последний, то есть самый последний шанс.

— Да-да-да!!! Когда можно прийти?

— А ходить никуда не потребуется. Вам нужно преодолеть свой страх перед условностями. Просто лягте на пол.

— Где?!

— Да вот прямо здесь, в троллейбусе.

— Н-но... тут же люди... и грязно... как-то...

— Так, у меня нет времени. Или ложитесь, или не морочьте мне голову — я выхожу на следующей.

Понимая, что выхода нет, Ирка сделала роб-

кий шаг вперёд и окинула взглядом салон. Ничего не подозревающие пассажиры мирно ехали по своим делам, общались с телефонами, глазели в большие грязные окна. И тут она ощутила лёгкий толчок в спину. Словно подкошенная, девушка рухнула навзничь, тоненько заверещав:

— Да вы чё, вы чё там ваще с ума посходили? Не дрова везёшь, чё так дергать-то! Водить научись, раздолбай чёртов. Я на вас жалобу напишу в транспортное управление!

Невольные зрители гениального моноспектакля таращили изумлённые глаза и не торопились взрываться эмоциями. Затянувшуюся мхатовскую паузу нарушил коварный режиссёр:

— Достаточно. Надеюсь, что сей «волшебный пендель» пойдёт вам на пользу. Давайте зачётку.

Ирка Пороськова стояла на неизвестной пустынной остановке в испачканном, осквернённом светлом плаще, переводя счастливые, полные слёз глаза то на виляющий зад троллейбуса, то на возжеленную закорючку в зачётке. Вдруг в этот самый момент поняла, что она теперь вовсе не простая провинциальная дурнушка, а что ни на есть самая настоящая великая звезда. И нет никаких препятствий на пути к вершине Парнаса.

Правда, Ирку всё равно потом из института отчислили, но вовсе не за отсутствие артистических способностей, а за кучу прогулов и незачётов по другим предметам. Но теперь всё это было для неё уже совершенно не важно...

Литературные страсти

Нет, ну что это за имя для великой поэтессы — Ирка Пороськова?! «Це ж не комильфо»! А посему повелеваю заменить банальное пролетарское прозвище на великолепное заграничное — Бриджит. Тут тебе и Бардо с надменной голливудской улыбкой, и винный привкус созвучного (сроду не попробованного) французского «Бордо». Над фамилией вообще долго думать не нужно, оставить от сего люмпенского наследия только две первые буквы и уже можно сойти за наследницу знаменитого Эдгара По, а со временем можно и паспорт поменять.

Новорожденная Бриджит По, конечно, не могла влачить то беспросветное серое существование затрапезной кассирши с неоконченным высшим образованием, это ж вам не какая-нибудь...

Шкаф Бриджит ломился от ярких летящих платьев, о каких Ирка и мечтать-то не смела. Дива жила в самом что ни на есть настоящем отеле и ужинала только в ресторане, ей не нужно было ни свет ни заря толкаться в автобусе, собачиться на работе с товарками и хамоватой начальницей, дурить покупателей, чтоб покрывать вечную недостачу.

У загадочной и прекрасной Бриджит было совсем другое предназначение — она писала великую «Поэму неразделённой любви», естественно — в стихах. Для того чтобы обеспечить все необходимые условия для работы, пришлось продать убогую хрущевку, благо сын ушёл в армию и уже никто не мешал осуществлять грандиозные творческие планы. Поэтесса не заботилась о завтрашнем дне, ведь после рождения великой поэмы весь мир непременно ляжет к её ногам и все недоразумения с отсутствием жилья, работы и прочие пустяки решатся сами собой. Мир притих в ожидании шедевра.

Утро Бриджит начиналось как положено — с чашки элитного кофе — не купленного на кассе пакетика и не из банки с запахом горелой кошки, а натурального из молотых зёрен, приготовленного в настоящей кофе-машине. Вечер великолепной дамы завершался всегда неожиданно: то в шумной компании студентов в каком-нибудь баре, то в шикарном ресторане на коленях брутального мачо, в бешеных ритмах ночного клуба, а один раз даже в луже под кустом.

Но и тот конфузный эпизод не мог затмить упоение творческим парением. По мнению Бриджит, именно такой и должна быть настоящая богемная жизнь. Ну и пусть в луже, ну и пусть под кустом, и не ваше дело, что бланш под глазом. Да! А такая вот я непредсказуемая и противоречивая! Настоящая поэтесса, а не какая-то кассирша из магазина за углом! Иногда её с головой накрывала некая поэтическая стихия. Она впадала в неистовый поэтический экстаз и начинала читать стихи там, где он её настигал: на улице, в автобусе, за обе-

денным столом... взхлёб, на разрыв... до умопомрачения...

Лишь только странные пристальные взгляды, что следили за ней повсюду, тревожили Бриджит. Глаза-глаза. Полные то удивления, то ужаса. Кто эти странные люди? Они разглядывали её на улице, шпионили из-за барной стойки, на гостиничном ресепшене, даже в её собственном номере, когда приходила какая-то убогая тётка убираться и не могла сдержатъ удивления при взгляде на Бриджит. Зависть, всюду зависть и интриги! Таковы законы звёздных избранников, приходится терпеть это чванливое любопытство отверженных Фортуной.

Недели летели за неделями, месяц с нереальной скоростью сменялся месяцем, а сотворение поэтических мемуаров, напротив, двигалось слишком медленно и никак не могло перемахнуть дальше младенческого возраста автора. Может, оттого работа ползла черепашими шажками, что Бриджит хотелось запечатлеть каждый, даже самый незначительный эпизод, который всплывал в памяти:

*Купалась в озере закатными часами,
и тёплый берег принимал меня песочный,
пренебрегая майкой и трусами,
была как ангелочек непорочный.*

*Хотелось улететь совсем высоко,
но ведь освоить нужно было огород,
там воевать с травщицею высокой,
за корнеплодом улетая корнеплод.*

То вдруг мысли путались, разбегались испуганными козявками врассыпную, или другое более позднее и острое воспоминание наплывало и, подмяв под себя четверостишие, что только едва-едва начинало проклёвываться, поглощало и уносило в иные пределы, а заодно меняло стихотворный ритм, размер, образный ряд.

*Познакомить с тобой нас взялась баба Сима,
На дворе стоял месяц апрель или май,
При знакомстве присутствовал мой дядя Фима,
Так что многие помнят момент, так и знай!*

Порой накатывали и накрывали с головой былые чувства, вспенивались болезненные воспо-

минания о разбитом навеки сердце, о коварном возлюбленном, что оставил её одну в интересном положении, хотя по всем правилам хорошего тона просто обязан был жениться. Невыносимые душевные терзания выплёскивались на бумагу, но не утихали:

*Он молча ушёл, и захлопнулась дверь,
И очи зеркал отразили страданье.
А нежность зверела, в душе взревел зверь,
Любовь простонала: «Давай, до свиданья!..»*

Тогда Бриджит бежала на встречу ЛИТО «Сфера», где под затаённое дыхание зала и общие ахи-охи творила своё бессмертное искусство. Её изысканная декламация ввергала зрителей в транс и уносила прочь из тесного серого убогого мирка. Поэтесса вновь и вновь переживала давно забытые моменты детства и юности. В этом литературном сообществе Бриджит не просто любили, а скорее даже боготворили.

Случилась, впрочем, в жизни нашей светской львицы и одна досадная неприятность. Директор библиотеки из самых лучших побуждений, видя, какой ажиотаж творится вокруг Бриджит, решила организовать ей встречу с уважаемым редактором. Валериваныч был единственным авторитетом в подобных кругах, кто годился на эту роль. Толстые журналы издавали по всей стране его стихи и статьи, мало того, он ещё входил в несколько их редакционных советов, и даже, что уж совсем невероятно, везунчик бывал не раз отмечен крупными литературными премиями.

Верховная служительница книгохранилища была женщиной крупной, деятельной, но тактичной. Поэтому устроила аудиенцию знаменитого редактора и гениальной поэтессы в своём личном кабинете: приготовила чай в изящном сервизе, выставила на стол коробку конфет и после пары фраз дежурного приветствия деликатно удалилась.

Но не успела ещё повелительница книжного царства насладиться перебиранием замусоленных читательских формуляров, как услышала истошные вопли, доносившиеся из собственного кабинета.

Картина, которая предстала взорам изумлённых библиотекарей, сбежавшихся на крик, бы-

ла поистине эпической. Звезда литературного бомонда яростно избивала бедного редактора всем, что только подворачивалось под руку. При этом поэтесса дико орала, выкрикивая самые скабрёзные площадные ругательства, коих постеснялись бы, наверное, базарные торговки из рыбных рядов. На полу и столе уже валялись осколки изящного сервиза и помятые изорванные листы рукописи.

Несчастный Валериваныч пытался обороняться и выставил перед собой в качестве щита большую папку с годовым отчётом по культурно-массовой работе с населением. Однако художочный, истощённый непрерывной работой духа и обескровленный иссушающей литературной критикой редактор явно проигрывал энергичной атаке разъярённого автора.

Библиотекари, словно осиный рой, объединённый коллективным разумом, в едином порыве кинулись спасать остатки драгоценного сервиза, а главное, бесценный труд целого года изматывающей работы на износ — отчёт в порядке уже разлохмаченной папке.

— Гс-спада, — заикаясь и в совершенной растерянности обратился к очевидцам происшествия перепуганный редактор, хотя окружали его исключительно дамы. — Поверьте, я ничего такого не сделал и никого не хотел обидеть. Указал лишь на явные, так сказать, вопиющие недостатки: глагольные рифмы, кочующие ударения, сбой ритма...

— Тва-арь!!! — взревела осатанелая Бриджит и бросилась на струхнувшего редактора, что поспешил ретироваться, укрывшись под директорским столом.

Двух желтолицых сутулых бабусь, что безуспешно пытались удержать её за руки, буйная Бриджит легко раскидала, как беспомощных котят, причинив чопорному интерьеру начальственного кабинета непоправимый урон.

Вопиющий случай, который смиренные служительницы читальных залов осторожно именovali «встреча с редактором», ещё долго будоражил умы и щекотал нервы жителей маленького пограничного посёлка, где всегда чувствовалась нехватка развлечений. Да и, по правде сказать, это был первый и последний раз, когда в поселковую библиотеку одновременно вызвали наряд милиции и карету скорой помощи.

— Вот такие у нас страсти бушуют в литературной среде! — давала объяснения журналистам пунцовая директриса.

Эта фраза и послужила основой для кричащего заголовка статьи в местной прессе «Литературные страсти».

— Острая фаза, — с профессиональным хладнокровием констатировали медики.

Пограничное состояние

Таня и Злата решили повстречаться после долгой разлуки, вспомнить бурную молодость: участие в разномасштабных семинарах, где обе были нещадно побиваемы камнями критики, первые отважные выступления по клубам, учёбу в литинституте, да мало ли ещё тем у давних подруг. Таня вернулась в родной город из почти покорённой Москвы проводить маму. Злата специально приехала на родину из далёкой Великобритании, чтобы повидать подругу, а заодно завершить процедуру продажи квартиры, что уже десять лет стояла без хозяйки.

Погода располагала, да и к тому же сегодня было 28 мая — День пограничника, праздник, который в их приграничном городке отмечался особенно пышно. Женщины посидели в кафе, вспомнили любимого недавно почившего учителя — Валериваныча и как несколько лет ходили к нему в поэтическую студию: спорили, обижались, радовались.

Затем решили прогуляться по центральному проспекту. Отовсюду струилась музыка, реяли флаги, на каждом шагу кипела праздничная торговля. Воздушные шары, ванильный запах выпечки, весёлая суета малышни на каруселях.

Несмотря на то, что по случаю праздника повсюду было весьма шумно и многолюдно, одна особо возбуждённая компания привлекла внимание и притянула их, словно пойманных браконьерской сетью рыбёшек. Толпа группировалась вокруг полевой кухни, где для демонстрации торжества административной щедрости раздавали горячую гречку в одноразовых тарелках.

Видимо, местное начальство оказалось настолько великодушным, что к дармовому обеду

прибавило ещё и бесплатную культурную программу. Рядом с военизированным самоваром на колёсах на шатком табурете стояла грузная тётка в безумном наряде, который издали можно было принять за клоунский: длинная юбка из рваного чёрного тюля, бирюзовое полупальто, красная широкополая шляпа. Всю эту отважную эклектику ещё можно было бы принять лишь за причуды экстравагантной дамочки, если бы не многочисленные разноцветные газовые шарфы, украшавшие головной убор. Макияж не уступал экзотическому туалету. Ярко-оранжевая фосфоресцирующая помада была намазана столь густо и так далеко заходила за положенные природой границы, что, казалось, на лице существует лишь огромный живой рот.

Театрально жестикулируя нервными руками в рваных ажурных перчатках с обрезанными пальцами, дама выкрикивала странные стихи:

*По узкой тропе, по пути за бугор
мой ангел пройтись надумал.
Он множество дум на тропе между гор
и разных задумок обдумал...*

Поэтесса закатывала глаза, изгибалась, не боясь грохнуться с табурета, драматически заламывала руки, словно карикатурный Пьеро на пике поэтической экзальтации. Аттракцион собрал множество зрителей, которые подзадоривали артистку аплодисментами и выкриками: «Браво! Браво! Бис! Давай ещё!» Городская сумасшедшая, не чуя подвоха, бурно фонтанировала виршами, в коих, конечно, фигурировали изжужьянные многими поколениями рифмы: слёзы-берёзы, розы-морозы, солнце-оконце, кровь-любовь и другие признаки поэтической беспомощности.

— Глянь-глянь, у тётенки в День пограничника пограничное состояние приключилось... Хотя это, наверное, наш общий неутешительный диагноз, — печально констатировала Таня.

— Слушай, это ж Пороськова!!! — опешила Злата. — Пошли скорей отсюда, а то не дай бог нас заметит!

Злата потащила Таню прочь от эпицентра опасности. Но оказалось слишком поздно — они были обнаружены. Ира Пороськова внезапно прервала своё выступление на самой

высокой ноте и кинулась с табурета, как тигрица наперерез добыче.

Раскидывая зевак, она с размаху рухнула на колени перед остолбеневшей Таней, не заботясь о чистоте асфальта и судьбе тюлевой юбки. Воздев руки к высоким небесам, трагическая примадонна сегодняшнего праздника возопила, обращаясь одновременно к окружающему ареопагу², а заодно и к Аполлону, взирающему на её высокое искусство с Парнаса:

— Это же она!!! ОНА!!! Посмотрите на неё! Она же — ПОЭТЕССА!!!

Выкрикивая сей жуткий вердикт, мадам Пороськова пыталась поймать Танины руки, дабы покрыть яростными поцелуями. Таня с расширенными от ужаса глазами выдёргивала ладони из цепких лап психопатки и только разевала рот, изо всех сил пытаясь кричать, но крика почему-то не получалось. Злата рванула омертвевшую подругу и потащила прочь, как волчица-добытчица парализованного смертным страхом ягнёнка. Вослед убегающим с поля брани дезертирам ещё долго словно расстрельный приговор несло: «Поэтесса! Поэтесса!»

Финал поэмы...

С момента того эпизода с бегством от прозвонившей городской сумасшедшей, который, конечно, по прошествии стольких лет кажется теперь совершенно невинным и даже забавным, в Таниной жизни произошло множество разных маленьких и больших событий. Многолетняя, но стремительная карьера редактора в крупном столичном издательстве. Неожиданное материнство и воспитание капризных мальчиков-близнецов. Скорое замужество с изнуряющим разводом.

После продолжительного отсутствия в отчем доме пришлось Тане, ныне главному и очень ответственному редактору, вырваться из липких пут служебных обязанностей и навестить малую родину по весьма огорчительной причине. Старенькая мама слегла и тихо угасала. Врачи лишь разводили руками: «Ну что вы хо-

² Ареопаг — с греч. «судилище, собрание», высший судебный орган в Древних Афинах.

тите... Возраст...» А по тому, как они стыдливо отводили глаза в сторону, когда Таня пыталась всучить «скромную благодарность», можно было сделать вполне определённый вывод: дела совсем плохи. Но сколько будет длиться это страшное безвременье: день, неделю, месяц, год — сказать определённо не мог никто.

Таня понимала: дела ждать не будут, нужно срочно что-то решать. Она провела у постели матери все нерастраченные за несколько лет рабочей гонки отпуска, временной лимит был полностью исчерпан. Начальство свирепело, исполнители нагнали, дети, оставшись накануне сдачи диплома без материнского пригляда, проявляли искреннюю беспечность, что грозило неминуемым крахом... А о том, что творилось в квартире в отсутствие хозяйки, вообще можно было только догадываться. Перевозить мать после тяжёлого инсульта к себе просто безумие. Оставался лишь один выход — найти надёжную сиделку «с проживанием».

Однако про «надёжных» пришлось забыть сразу после первого же знакомства с несколькими претендентками. Практически все они являли собой ярко выраженных алкогольно-зависимых особ, что искали лишь место ночёвки. Попалась и одна весьма экзальтированная — актриса «временно на пенсии», которая стала выдвигать странные условия. Например, в качестве аванса потребовала рыжий парик из натуральных волос, а также предупредила, что отказывается мыть и переворачивать больную, как и вставать к ней по ночам.

Так что Таня уже была согласна на любую условно вменяемую женщину, лишь бы та обеспечила умирающей маме посильный уход. В этот момент отчаяния и постучалась в Танину дверь сутулая серая старушка в монашеском платке, длиннополом сером одеянии, с котомкой за спиной, словно кроткая богомолка, сошедшая со страниц классической литературы. Говорила она тихим дрожащим голосом, не окрашенным какими-либо эмоциями. В движениях была весьма нетороплива или даже заторможена. Такой неутешительный вывод Таня сделала, когда наблюдала, что гостья долго настраивается, перед тем как сделать шаг или переступить порог.

Ещё больше удивило то, что, сняв с головы

многослойный покров, она оказалась бритой наголо. Однако, несмотря на уставшее измождённое лицо, женщина была не столь уж ветхой старницей, какой показалась на первый взгляд.

— Вы не сомневайтесь, я всё как надо сделаю. Не первый год в сиделках. А что? Дело нужное, благородное даже. Я и уколы делаю, но только внутримышечные, а в вену не умею. От пролежней, от застоя в лёгких — всё знаю...

Лишь когда гостья заговорила, скорее не по внешним приметам, а по характерному пришепётыванию Таня с ужасом угадывала в ней Ирку Пороськову. Чем дольше Таня вглядывалась, тем больше убеждалась — это, без сомнения, была она, пусть исхудавшая до неузнаваемости, пусть в старушечьих лохмотьях, но она! Припомнив их последнюю встречу, когда им со Златой пришлось убежать под безумные крики, женщина невольно поёжилась. Однако контраст той разукрашенной ведьмы и этой смиренной послушницы был столь разителен, что Таня решилась спросить:

— Ирина, что с вами случилось?

Странница застыла, словно звук собственного имени стал волшебным заклинанием, ненадолго её заморозившим. Очнувшись, она стала тихо, не поднимая глаз, вещать свою историю, словно с трудом припоминая. Рассказ получался обрывочным и монотонным, казалось, что Ирина когда-то давно заучила неинтересный текст наизусть и теперь рассказывает по мере необходимости без всякой на то охоты.

— Последние годы перед больницей я жила в тумане... Квартиру продала... зачем-то... Сын с армии пришёл, а жить негде... Вычеркнул он меня... До сих пор... не знаю даже, где он... Больницу только вспышками помню... Но вот однажды... очнулась я. Вот представьте, будто вы спите, а вас будит резкий паровозный гудок. Так меня вот разбудили. Вижу, вдруг прямо мне в лицо огромный чёрный рот орёт, как у рыбы-кита... А я чего-то говорю-говорю-говорю, остановиться не могу, а тут ка-ак ртина гаркнул, так смогла — смолкла. Пригляделась, а это наша врачиха меня за плечи трясёт и вопит громко, прямо в лицо. Тут-то пелена с меня и спала. Оказывается, как мне потом рассказали, зашла я на какой-то врачебный консилиум и давай им свои стихи читать без остановки,

пришлось нашей врачихе вот таким способом меня в чувство приводить. И, надо отдать должное, сработало!

Прямо из психушки меня в один дом взяли за парализованной ухаживать. Я там лет пять жила, пока моя пациентка не умерла, до конца я с ней была. С тех пор по людям и живу, помогаю чем могу. А мне даже нравится. Польза опять же от меня какая! — Ирина слабо улыбнулась, но улыбка не сделала её лицо весёлым. — Вы не сомневайтесь, у меня и чистота, и лекарство, и питание — всё по расписанию. Довольны будете.

— Ну, а как же ваше заболевание, Ирина? Вы уверены, что можете себя контролировать? — скрывая тревогу в голосе, поинтересовалась Таня.

— Да что вы? Не беспокойтесь. Я же на таблетках. Пожизненно. У меня и пенсия, и группа присвоена. Рецидив со мной только один раз за всё время и случился. Тогда на празднике. Ну, вы, наверное, помните. А сейчас хорошо — в стабильной ремиссии. К врачихе своей регулярно навещаю, так что не волнуйтесь, мама ваша в надёжных руках.

— Ну, а может, пожелания у вас какие-нибудь есть? — с опаской спросила Таня, памятуя о рыжем парике в качестве аванса. — У мамы бессонница, бывает очень беспокойной.

— Да нет, что вы... Какие ещё пожелания... Я ведь тоже по ночам не сплю, всё больше работаю... Поэму срочно нужно закончить, совсем немного осталось, а главное, финал я уже придумала.

Ирина вдруг встрепенулась, ожила. Выпрямив спину и просветлев лицом, словно стоя под яркими софитами большой сцены, одаряя каждым словом, как бриллиантом, вдохновенно продекламировала:

*Подумай, друг мой, обо мне легко,
жизнь и успех пройдут неумолимо.
Хранить любовь в разлуке нелегко,
жить без любви совсем невыносимо...*

...Ничего не может проиграть женщина, гадающая для подруги; разве что такие пустяки, как любовь и счастье...

Елена Толстая. «Адмиралъ»

«Она! Снова она!» — Аня с тоской смотрела в окно, наблюдая, как на школьном крыльце топчется невысокая женщина, одетая нелепо и словно с чужого плеча. «Боже, как стыдно! — в отчаянии Аня уронила голову на свой учительский стол так резко, что больно стукнулась лбом. — Ученики ведь смотрят. Коллеги уже косятся. Ну

сколько можно-то!» Действительно, бесчисленные неугомонные клиенты, или «ходоки», как она их называла, разрушили, по мнению Ани, не только её психику, но и семью.

И хотя Аня никак не могла запомнить имя женщины, она отлично знала, для чего та час-тенко поджидает её после уроков. Стоит лишь попасть в её поле зрения, как эта монашеского вида скромница встрепенётся, кинется на шею, словно к родной матери, и начнёт безостановочно причитать, рыдать, умолять, заглядывая в глаза. Видеть это почерневшее от горя лицо, слышать бесконечные вопросы о том, выживет ли её тяжело больной сынишка или нет, Ане было уже совершенно невыносимо. Она знала, что мальчик обречён. Об этом ясно свидетельствовали «траурные» линии на ладонях женщины, но признаться в этом обезумевшей от горя матери Аня была не в силах.

Необъяснимый жутковатый талант хироманта приносил ей всё больше и больше тревог и горестных разочарований. Аня и сама не заметила, как из застольного развлечения и потехи гадание по руке превратилось в тяжкое бремя. И когда только вездесущее сарафанное радио успело разнести слухи о её необыкновенном даре далеко за пределы родного города? Откуда узнали о ней все эти многочисленные «ходоки» из соседних областей и даже столичные звёзды, оставалось только догадываться.

Муж Никита долго терпел вторжение армии страждущих в их малогабаритную двушку, в которой они ютились совместно со старенькой Аниной бабушкой и маленькой дочкой. Точнее, нашествие началось даже раньше, когда их семейство ещё обитало в частном бабушкином домишке на окраине города. После переезда они надеялись затеряться и пожить спокойно, но не тут-то было! Ходоки находили повсюду! После жёсткого ультиматума супруга («или я, или они!») Аня строго-настрого запретила навязчивой клиентуре даже появляться на пороге их жилища, надеясь, что на работе поток визитёров установит бдительная охрана.

Однако путём уговоров, слёз, хитростей или демонстративного игнора ходокам всё же удавалось прорываться через вялых школьных секьюрити. Хоть Аню весьма высоко ценили в коллективе как талантливого и перспективного словес-

ника, но без силового вмешательства администрации не обошлось. Первым делом её серьёзно предупредили о том, что она во что бы то ни стало должна пресечь поток нежелательных гостей в учебное заведение. Жалкие попытки поменять номер телефона и спрятаться от докучливых посетителей ни к чему не привели. Не спасло это от нескольких сердитых выговоров раздражённого начальства. Да и без развода, к сожалению, тоже не обошлось. Муж начал погуливать, а потом и вовсе уехал в столицу, ограничив общение переводом алиментов.

Иметь дело с некоторыми из Аниных клиентов было иной раз неприятно, а порой даже опасно. Многие толстосумы, например, почему-то считали, что гадалка может не только прочесть их жизнь по ладони, но ещё и как-то исправить. На прошлой неделе её вообще выкрали из школы самым бесцеремонным образом. И кто бы вы думали? Не зарвавшиеся от шальных денег братки с ожиревшими загривками, не осатанелые от вседозволенности властные мужи, не наркоманы с отмороженными глазами, а прекрасные хрупкие девушки, будто отштампованные по образцу куклы Барби.

Яркая стайка девах вызвала Аню прямо с последнего урока, благо класс писал сочинение и звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту. По-видимому, вечно похмельный заспанный школьный охранник не стал для них сколько-нибудь серьёзной преградой.

— Привет, мы от Вкуси.

Затем на обескураженную Аню обильно посыпались фальшивые улыбки и дежурные поцелуйчики. Подружки нежно зашебетали о том, что в неких загородных апартаментах стынет шампанское и что уже пора — труба зовёт, да и приключения не за горами и т.д. Не успела Аня очнуться от наведённого дурмана, как дорогой автомобиль умчал её от места работы и привычных забот. Отрезвления не наступило и после того, как они оказались в шикарном коттедже элитного пригородного посёлка. В какой-то момент Аню словно накрыл весёлый хмель беззаботности, когда, как гласит народная поговорка, любое море по колено. Ей даже почудилось, что и она тоже такая же яркая, богатая, свободная и живёт некой совершенно другой, чужой необыкновенной

жизнью, как все эти прекрасные девушки, напоминающие биороботов из фантастического блокбастера.

Кто такая была та мифическая Викуся, да и все эти расфуфыренные девицы, так и осталось невыясненным. Каждую точёную Барбию (так в раннем детстве называла американскую куклу Анина дочурка) одновременно можно было отнести и к разряду жён олигархов (равно криминальных авторитетов), и к прекрасным представительницам золотой молодёжи местного разлива.

Однако причина столь жгучего интереса к скромной Аниной персоне была ясна изначально. По-быстрому накачав гостью шипучим вином, девицы стали наперебой совать ей под нос свои ладошки. Алкоголь всегда помогал гадалке моментально погружаться в нужное состояние. «И понеслось! — как любила говорить Аня. — Дверца открылась!» Густонасыщенное знание о том, что было-есть-будет, словно непомерно тяжкий груз, рухнуло прямиком в бедную Анину голову, и она, впад в мистический транс, едва успевала проговаривать выскакивающие из подсознания сведения.

Видимо, то, о чём рассказывала Аня, было столь точно и правдиво, что девушки изначально чуть не передрались за право услышать предсказание первой. Но затем быстро смекнули, что не пристало выкладывать столь интимные подробности на всеобщее обозрение. Быстро организовав очередь, они отваживались подходить по одной, и то лишь после разрешения. Слава богу, что после сеанса Аня мало что помнила из сказанного, иначе отравилась бы чужими тайнами самого омерзительного свойства и давно бы потеряла веру в человечество. После пытки девичьим прошлым и будущим обессиленную Аню отправили домой на такси. Девушки, потрясённые услышанным, заметно подрастеряли недавний кураж. Но не меньше поразило их и то, что вещунья наотрез отказалась брать плату за своё удивительное искусство.

И всё же на следующий день в Анину квартиру занесли подарки: огромную корзину цветов, ящик коллекционного шампанского, а также толстенный фолиант «Курс хиромантии» национальной академии Монреаля. «И где только эти дурёхи достали столь редкий учеб-

ник, да ещё в русском переводе? — недоумевала Аня. — Да и нафига он мне вообще сдался? Им же не объяснить, что линии и бугорки на ладонях да разгадывание хитросплетений чёрточек на коже — это лишь изначальный пин-код, некий ключ от той самой заветной «дверцы». А уж когда она откроется, то знание польётся полноводной рекой, что протекает по бескрайней Вселенной, и нет той реке ни начала, ни конца... и нет этому объяснения...»

Аня печально усмехнулась, припоминая своё недавнее приключение и то, какой горький привкус оно оставило. Вспомнила, как смотрела на неё заплаканная дочка, как тихонько дёргала за рукав, да так и не дождалась ласки и внимания от отяжелевшей и безразличной ко всему родительницы. С каким укором и затаённой болью глянула на пьяную внучку бабушка, но лишь поджала губы и молча скрылась, будто убегала от какого-то страшного непотребного зрелища.

Однако сколько ни оттягивай неприятный момент, а пора было выдвигаться с опостылевшей работы — в условленном месте уже поджидала Аню верная-любимая-единственная подруга ещё с детсадовских времён — Яночка. Выглянув из школьных дверей, Аня не увидела скорбного силуэта просительницы, и душа её возликовала. Но не тут-то было! Не успела девушка сделать и десятка шагов, как та вылетела из-за угла здания и набросилась на Аню, словно оголодавшая кошка на мышь, которую долго подстерегала в засаде:

— Аннапална! Аннапална! Посмотрите, пожалуйста! Ну, всего одну секундочку! Может, что-то изменилось вот сейчас?! — взхлёб лепетала женщина, пытаясь поднести ладони к Аниным глазам.

— Нет, не вижу никаких изменений, — упорно отворачивалась Аня, желая поскорее отделаться от женщины.

— Да вы получше, получше посмотрите! Вы ж и не глянули даже как следует! Я ж к вам два часа на перекладных из Лавренёвки летела сломя голову. Ведь вчера доктор сам сказал, что полегчало мальчику-то моему!

Аня с интересом взглянула на ладонь женщины, но в ту же секунду опустила глаза. Снова она наткнулась на чёткие знаки близкой и

неминуемой смерти ребёнка. Но, как и ранее, язык не поворачивался сказать об этом обезумевшей от горя матери.

«Эх, пусть меня лучше считают плохой гадалькой», — с горечью вздохнула Аня, решившись на ложь:

— Да, действительно, вот тут небольшое улучшение намечилось... Но пока сложно что-то определённое сказать, — прошелестев это одними губами, Аня потупилась и густо покраснела, что вовсе не смутило несчастную.

— Ой, да спасибо ж вам! Огромное какое спасибо-то вам! Натё-ка возьмите! — женщина стала суетливо открывать старенький засаленный гомоток, из таких, какие остались только у совсем древних деревенских бабушек.

Увидев протянутые купюры, Аня взревела как ужаленная. Выпавив своё постоянное «Не надо!», отмахнулась от женщины и стремглав побежала прочь, не оглядываясь.

Яночку было заметно издали, словно волшебный аленький цветочек, освещала она своим ярким нарядом тусклый пейзаж провинциального городка. Модница всегда умела удивить окружающих неожиданными и смелыми решениями в гардеробе. Едва завидев Аню, девушка замахала руками столь энергично, что казалось, будто сказочный цветок затрепетал от сильного порыва ветра.

— Да ты где ж так долго-то? Там же очередь длиною в товарный состав и запись за два месяца! — беззлобно отчитала Аню подруга.

— Так ты куда меня снова решила втравить?

— Вот тебя как раз совсем никуда не собираюсь. Это ж сам Марэй! Знаешь, сколько я денежек отвалила, чтоб к нему на аудиенцию попасть? Три твои учительские зарплаты!

— А я-то тебе для чего? Я не собираюсь свои кровно заработанные на каких-то очередных аферистов спускать.

— Да с чего ты взяла, что он аферист? К нему даже из-за границы ездят! А кто у него побывал — те просто в шоке!

— Оно и понятно, будешь тут в шоке — если столько денег зазря просадить. Ко мне вон тоже ездят, слава богу пока не из-за границы, а только из ближайших сёл. Но достаточно вспомнить твои идеи последних лет... — тут Аня начала пе-

речислять подружкины косяки спокойно и подчёркнуто, внятно проговаривая каждое слово, как на диктанте. — Вот, например, продажа парфюма, который оказался с запахом жжёной резины. Бады и витамины, от которых непременно случались понос и аллергия. Наискорейшее обогащение на ниве страхования, когда нам пришлось через слёзы и запугивание полицией возвращать свои собственные деньги. А чего стоил бесплатный сеанс омолаживающего массажа, когда нас не выпускали из кабинета, принуждая взять кредит! Пришлось откупаться номерами мобильных телефонов всех знакомых и родственников! Ещё или хватит?

— Да уж, достаточно. И на ту псевдостраховую компанию, между прочим, вовсе не я, а ты первая клюнула. Но тут совсем другое. Верняк! Такой, говорят, мощный экстрасенс! Повезло невероятно, он вообще последний месяц народ принимает, потом его в команду президента забирают, во!

— Ну, остаётся лишь поздравить чародея с повышением, только я-то тут при чем?

— Анечка, милая, ну как ты не понимаешь? Страшно мне! Вот страшно до жути, и всё!

— И для чего тебе тогда загорелось непременно лезть в логово этого монстра? Не хватает драйва в унылых буднях?

— Да потому! По-то-му! Только Марэй сможет мне точно сказать, ехать мне к Адольфу или нет...

— Моя бабуля говорит, что твоего Адольфа нужно было за одно только его имя расстрелять ещё в сорок пятом!

— Вот зря ты так! — вспылила Яночка, и в её голосе зазвенела неожиданно высокая и напряжённая нота. — Адик, между прочим, прекрасный человек! Получше некоторых мужей! Он бы никогда жену с маленькой дочкой не бросил на произвол судьбы, как твой бывший.

— Да никто меня не бросал, я Никиту сама выгнала!

— Ну да, конечно, сама, как же! — хмыкнула Яночка. — А то, что ты постоянно намекаешь, что Адик намного старше меня, так муж и должен быть старше жены. И не было его ещё в сорок пятом даже в помине, Адик только на тридцать лет меня и старше. Ну на тридцать три... ну четыре...

Казалось, Яночка вот-вот расплачется, за-

щищая любимого, дёрнет плечиком, демонстративно отвернётся и уйдёт. Но вместо этого она крепко схватила подругу за руку и потянула в сторону центральной площади:

— Давай-давай, мы уже опаздываем! А там вообще всё очень строго. Объяснять теперь уже некогда, просто молчи и ничему не удивляйся.

«Хорошенькое начало — не удивляйся! Да если даже этот Марэй окажется чёртом с рогами, после всех Яночкиных затей я уже ничему не удивлюсь!» — думала Аня, когда они подошли к помпезному зданию магазина «Калигула», что мозолил глаза неуместной роскошью в самой сердцевине скромного города. Но оказалось, что знаменитый колдун вовсе не такой уж выпендрёжник и пижон, потому что от пафосного краснокаменного «храма» римскому императору, понтифику и развратнику они направились во дворы — к серенькой, ничем не примечательной хрущевке. «Ну, понятно — на аренду офиса в престижном торговом центре денег не хватило», — мелькнула в Аниной голове ехидная мыслишка, которую она из осторожности уже не стала озвучивать издёрганной и взволнованной Яночке.

Аня знала и втайне с ужасом ждала того момента, когда подруга решится на переезд к возлюбленному и им придётся расстаться, скорее всего навсегда. Аня гнала от себя неприятную болезненную мысль, но для всех вокруг, даже для наивной Аниной бабушки, с каждым днём становилось всё очевиднее, что, в конце концов, Яночка уступит настойчивым ухаживаниям пожилого опытного немца и укатит с ним в Мюнхен на «пэ-эм-же».

Старый лис был до самозабвения влюблён в Яночку, это было видно уже по тому, как он начинал растерянно хлопать белёсыми ресницами при виде дамы сердца, а в его колючем взгляде стремительно таяли холодные льдинки, делая глаза похожими на два маленьких голубых озера. Адик был весьма занят на работе в банке, но мотался в сибирскую глубинку как минимум три, а то и четыре раза в год. Благодаря ему провинциальная медсестра Яночка систематически выезжала то в европейские столицы, то на экзотические азиатские курорты.

Адик официально посватался к Яночке аж четыре года назад. Тогда на эту церемонию все

родственники и друзья были приглашены в любимый ресторан жениха «Ёлки-палки». Эти дешёвые пункты питания в псевдонародном стиле густо расплодились тогда по всей стране. «Представляете прикол: Адик думает, что эти идиотские «ёлы-палы» и есть наш самый настоящий русский национальный дом, — со смехом рассказывала приятельницам Яночка. — Как будто у нас посреди неструганой хаты телеги с салатами стоят! Серьёзно говорю. Мой Адик вообще обожает всё русское. Да! Он даже язык начал учить. Так потешно! Представьте, на ярмарке алтайского мёда купили ему вышитую косоворотку, так он её до того залюбил, носит дома не снимая и даже спит в ней!»

Конечно, Яночку тогда насторожило, что жених не больно-то разорился на праздничный стол, да и гости были несколько обижены отсутствием спиртного. Вместо вина в бокалах плескался любимый Адиком клюквенный сок. Однако ж когда невеста ответила согласием и нежно поцеловала его в крючковатый нос, жених, зардевшись как маков цвет, раскошелился на единственную бутылку шампанского. «Ничего, зато не будет водку жрать, как наши мужики!» — успокаивали Яночку родственницы постарше, что успели натерпеться всяческих бед от извечного русского недуга своих супругов.

Поначалу Яночку очень корбило, что после каждого обеда в ресторане Адик требовал упаковать ему остатки еды в контейнеры для продуктов и непременно забирал объедки с собой. Не брезговал он доедать с Яночкиной тарелки и допивать из её бокала, даже если за столом кроме них присутствовали другие, порой малознакомые люди.

Из гостиничных номеров Адик никогда не забывал уносить с собой все одноразовые «мыльно-рыльные» упаковки и складывал их потом в большой круглый аквариум в своей стерильной ванной комнате. В аквариуме уже почти не осталось места, а маленькими мыльцами и шампунями никто и не собирался пользоваться (Адик мыл голову только специальным средством против облысения). Но рачительный хозяин всё равно увозил с собой всю мелочёвку и очень радовался, когда в номерах отеля для постояльцев полагались одноразовые тапочки, которые тоже годами копи-

лись в его доме на антресолях в не распакованных целлофановых пакетах. Однако и тут Яночка придумала оправдание для любимого: «А что? Всё в дом! Не то что непрактичные одногодки, всё готовы по ветру пустить. А у Адика и домик как игрушечка, и автомобиль, и клумбочки, и в доме — всё к делу!»

Адик, надеясь на кратковременный и ни к чему не обязывающий роман с русской барышней, влип в отношения, словно комар в смолу, которая уже затвердела и стала превращаться в янтарь. Приятная девушка с кукольным личиком и звонким детским смехом поначалу показалась ему лёгкой добычей. Но время шло. Невидимые нити, привязавшие его, матёрого, прожившего трудную жизнь «мэтра экономики и кредитования», превращались в путы, в верёвки, в канаты. А Яночка не торопилась с ответом, её как будто всё устраивало. Беспечная молодая особа крутила им как хотела. Особенно злили Адика значительные траты на поездки, которых он мог избежать, если бы они жили вместе в его чудном уютном доме.

Аня знала о сомнениях и страхах доверенной подруги, недаром они дружили с дошкольного возраста. Яночка действительно стояла перед непростым для неё выбором: оставить дружную семью, медицинскую династию, хоть и трудную, но всё равно любимую работу и стать домохозяйкой в чужой стране с непомерно бережливым супругом.

Тем временем, пока Аня размышляла над перипетиями подружкиной жизни, они подошли к ничем не примечательному подъезду. С этого самого момента удивление не оставляло Аню. Оказывается, заходить нужно было даже не в подъезд, а в подвал. На облезлой стене сияла вызывающе яркая вывеска тренажёрного зала, на которой были изображены брутальный качок и сексапильная красотка с увесистой гантелей в руке.

Действительно, спустившись по узкой лестнице, круто уходящей вниз, девушки оказались среди тренажёров и спортивных снарядов. В полутёмных залах со спёртым воздухом не было ни окон, ни кондиционеров, кое-где по углам бряцали железом одинокие угрюмые люди. Могло показаться, что это некое убежище гонимых подпольных физкультурников.

Они прошли первый, второй, третий отсек спортивного бункера, а он всё не заканчивался. Если бы Ане тогда сказали, что это только начало пути, она ни за что бы не поверила. После десяти минут быстрой ходьбы они миновали и душевые кабинки, и густые испарения подземной сауны. Затем потянулись обыкновенные подвальные коридоры с мышиным запахом, начинённые большими и маленькими трубами неведомых коммуникаций. По Аниным предположениям, они прошли расстояние, как минимум равное десятку таких хрущёвок, и, судя по направлению движения, находились уже где-то под центральной площадью города, и над ними шло интенсивное дорожное движение. Наконец она не выдержала:

— Слушай, я вообще-то не собиралась так глубоко погружаться в андеграунд! Твой колдун подрабатывает в царстве Аида?

— Ш-ш-ш, уже пришли, — неожиданно тихо и сдавленно прошипела девушка.

И действительно, отворив очередную дверь, путешественницы оказались в небольшом холле, который по интерьеру вполне можно было бы принять за платную поликлинику, если бы не полное отсутствие окон. За стойкой «регистратуры» им приветливо улыбалась симпатичная девушка:

— Все уже собрались, ждём только вас, Яна. А почему вас двое?

— Это моя близкая подруга... Просто поддержать пришла...

— Хорошо, тогда напоминаю, по правилам магистра Марэя, вся группа пациентов, записанных на сегодня, находится в зале ожидания. Пациенты могут говорить только шёпотом и не выясняют очередности. Магистр Марэй в нужное время сам выйдет в зал и пригласит на приём того пациента, кого посчитает нужным. Максимальное время, которое вы можете провести в зале ожидания, — три часа, затем работа магистра на сегодня будет завершена. Даже если вас не вызовут вообще, знайте, магистр Марэй работает с вами и ваша проблема разрешится в кратчайшие сроки.

— А если нет? — Аня с вызовом взглянула на округлившиеся глаза девушки. — Если вот, например, не разрешится? Тогда что?

— Таких случаев ещё не было, — парировала

регистраторша со спокойной убеждённой в голосе, — проходите.

В полутёмном зале, напоминающем комнату отдыха частного санатория, по всему периметру стояли диваны и кресла, в которых расположились люди. «Восемь человек, — быстро сосчитала Аня. — Значит, Яночка должна была стать девятой, а тут ещё я припёрлась».

Интерьер дополнял низенький круглый стол, стоящий посреди комнаты. Тусклый оранжевый ночник с трудом освещал помещение, растворяя силуэты людей в темноте. Вместе с тем мягкий тёплый свет погружал в некое заторможенное дремотное состояние, при котором не хотелось ни шевелиться, ни разговаривать. Всё пространство было устелено коврами и пледами, повсюду валялись маленькие и большие подушки. Почти все люди разулись и забрались с ногами на кресла, а те счастливицы, которым достались диваны, и вовсе возлежали на них словно римские патриции на пиру.

«Может, тут так положено? Развалиться эдак френозно, как у себя дома, раз такие деньжищи отвалили. Да ещё не факт, что мистер-магистер вообще тебя примет. А что? Классно устроился! А Янка — дурочка, повелась на такой дешёвый развод!» Но как только девушки присели на диванчик, то словно провалились в пуховое облако. Последовав примеру остальных посетителей, они скинули обувь и легли поудобнее.

Аня разглядела на стене часы весьма странного вида. Нет, они не были какой-нибудь вычурной формы, просто круглые, и стрелки самые обыкновенные, только светились вместе с цифрами зеленоватым фосфорическим светом, что тоже, в общем-то, вполне привычно. А необычным было то, что на циферблате имелось только пять цифр: 6, 7, 8, 9 и 12. После того как девушки расположились, начался отсчёт трёхчасового приёма. «Видать, у магистра работа пошла», — кивая на светящийся хронограф, тихо сообщила Аня, саркастически добавив бесцветное «ха-ха», что подразумевало «ну всё, мы попали».

Время поплыло, секундная стрелочка безостановочно крутилась по циферблату, уже и минутная сделала полный круг, потом и короткая не-

поворотливая часовая коротышка перепрыгнула с цифры шесть на семь, а его Величество Марэй и не думал посещать сумрачные покои.

— Янчик, слухай сюда! А представь себе, вдруг его вообще нет? — с жаром зашептала Аня прямо в ухо подруге. — А что, если придут люди, деньжищи отвалит, потом полежат три часика в темноте, бока помнут — и адью! Бизнес по-русски такой, а?

— Да ты не понимаешь, о чём говоришь, спи давай! — лениво зевнув, ответила Яночка и, прикрыв лицо ладонью, впала в анабиоз.

— Дурдом какой-то! — обречённо констатировала общий диагноз Аня, решив больше «не париться» и попытаться максимально расслабиться. Ну когда ещё доведётся вот так-то в компании незнакомых людей посидеть в тёмных катакомбах.

В установившейся тишине Аня слышала только размеренное дыхание вокруг и далёкое дребезжание автодороги где-то высоко наверху. Вдруг чьи-то быстрые уверенные шаги нарушили полусонный покой. Из чёрного дверного проёма показался сначала луч фонарика, затем и сам хозяин подземелья. Разглядеть его было сложно, зато он скользил световым лучом, выхватывая из полумрака лица людей. Лучик искал-искал кого-то, на некоторых лицах останавливался чуть дольше, чем на остальных, словно пытаясь узнать. Люди шурились от бьющего света, некоторые даже пытались прикрыться руками. Наконец, пробежав ещё один круг по комнате, луч остановился на Ане.

— Ты, — приказал густой баритон, — иди за мной!

— Н-не-ет... Я не в очереди, я тут с подругой... Я не платила и... — отчего-то сильно испугавшись, Аня стала что-то растерянно мямлить невпопад.

— Иди за мной. Больше не повторяю, — повелел обладатель баритона и, повернув к чёрному проёму двери, стал быстро удаляться.

«А если он сейчас рассердится и вообще больше сюда не вернётся? Я же тогда подведу всех остальных!» — успела метнуться в Аниной голове ужасная догадка, и ей ничего более не оставалось, как, прихватив сумку и туфли, догонять по узкому коридору высокий тёмный силуэт.

Залетев вслед за магистром в его кабинет, Аня так запыхалась, что еле смогла перевести дыхание. Хозяин, будто не замечая её вовсе, уселся за свой огромный стол и начал листать старую записную книжку, что-то в ней выискивая. Девушка стояла посреди кабинета в полном смятении, не решаясь присесть без приглашения. Её взгляд остановился на чучеле крупного ворона, что стояло на полке над самой головой магистра. В полутьме могло показаться, что огромная птица живая и лишь специально сидит неподвижно, притворяясь чучелом, чтобы как следует рассмотреть незнакомку.

Пауза затянулась. Наконец, с трудом преодолевая смущение, Аня вновь попыталась объяснить, что она просто пришла с подругой и не собиралась на приём, а главное, не оплатила. Но когда магистр поднял свой тяжёлый взгляд, все слова тут же застряли у неё в горле, девушка вовсе стушевалась и смолкла.

О, что это был за взгляд! Пронзительный. Прожигающий. И столь пронизательный, что Аня невольно затрепетала. Она за всю свою жизнь никогда не видела таких красивых мужчин, разве что на гениальном полотне Врубеля «Демон сидящий». Один только бывший муж, по мнению Ани, мог бы составить красавцу колдуну достойную конкуренцию, да и то лишь за счёт подкупающего обаяния.

Магистр, конечно, как и положено демоническим персонам, был одет во всё чёрное. Длинные, цвета воронова крыла, волосы висели по плечам, однако это лишь добавляло его облику мужественности и делало похожим на индейца или пирата. Чернящие огромные глаза поблёскивали в темноте, как драгоценные камни. Да и вся его ладная атлетическая фигура была как будто выточена из камня самим Роденом — мастером выразительных и прекрасных форм.

Оглядевшись, Аня поёжилась. Интерьер кабинета был под стать хозяину: загадочный, жуткий и одновременно завораживающий. Повсюду — полки, полки. Тяжёлые основательные шкафы с ящиками и снова полки со всякой всячиной — от мерцающих металлических шкатулок до сосудов с заспиртованными лягушками и скелетов каких-то грызунов.

В соответствии с архитектурными особен-

ностями, окон в помещении не предусматривалось. Но ведь что-то из благ цивилизации должно было иметься в наличии, хотя бы люстра или настольная лампа. Но нет, кроме уже виденного ранее карманного фонарика, помещение освещалось лишь десятком тонких свечей. Чёрных свечей. Аня таких никогда не встречала, даже в самых вычурных арт-салонах, из чего сделала неутешительный вывод: «Колдун! Да и, к сожалению, далеко не светлый». А почему «к сожалению», она так и не смогла себе объяснить.

Дождавшись, пока пациентка немного успокоится, Марэй подошёл к ней сзади и без лишних предисловий повелел закрыть глаза.

— Сейчас я проведу ладонью по линии позвоночника, а ты говори мне, что чувствуешь.

И тут же по Аниной спине словно поползла ледяная змея:

— Ой, холодно-холодно!

— Хорошо, а теперь?

В ту же секунду вместо хладнокровной рептилии вдоль позвоночника словно покатился раскалённый круглый камень.

— Горячо, очень!

— Хорошо, — снова бесстрастно повторил колдун и тряхнул ладонью, будто пытаясь избавиться от прилипшей соринки, — сейчас я потяну тебя назад, не прикасаясь. Не бойся, ты не упадёшь, я успею тебя поймать.

«Почему это он ко мне на «ты» обращается, да меня уже лет шесть все на работе только по имени-отчеству величают. И как это, собственно, потяну, не прикасаясь?» — успела лишь подумать Аня, как вдруг явно почувствовала, что могучая неведомая сила тянет её за затылок. С места она почему-то тоже не могла сдвинуться и уже смирилась с тем, что грохнется головой о каменный пол, но тут же была аккуратно подхвачена сильными руками магистра.

— Хорошо, — снова обронил магистр, — сможем взаимодействовать. Присядь, — он указал на струганую лавку.

Аня буквально в изнеможении опустилась на сиденье, испытывая невероятное блаженство уже от того, что чародей отстал от неё и даёт передышку от своих ужасных затей. Видя, что Аня вновь собирается объяснить ему, что

она, мол, оказалась здесь по ошибке, Марэй жестом приказал замолчать. Аня словно подавилась словами и теперь с благоговением и страхом смотрела на него во все глаза.

— Объясню, зачем я позвал именно тебя.

— ?!

— У тебя есть то, что тебе вовсе не нужно и приносит лишь большие печали. Я готов избавить тебя от этого. Но необходимо твоё согласие.

— Что? У меня есть... что? — уже устала удивляться Аня.

— А вот сейчас посмотрим. На-ка, гляди, — магистр открыл перед Аней свою ладонь и подвинул ближе свечу.

Совершенно произвольно Аня забежала глазами, пытаясь прочесть судьбу магистра. Но отпрянула в полном смятении: таких знаков она не видела ни на одной руке. Линии путались, устремлялись не туда, куда нужно. Линии сердца у колдуна не было вовсе, зато линий ума было три, они шли параллельно друг другу, не прерываясь. Линий жизни было две, и шли они не как положено, огибая холм Венеры вокруг большого пальца, а неестественно изогнувшись, обе линии жизни вдруг почему-то вовсе заворачивали в обратную сторону — на холм Луны. Линия судьбы петляла как ей вздумается, то пропадая, то появляясь. Понять и что-либо прочесть по такой ладони было совершенно невозможно.

— Это же «ладонь мага»! Её нельзя толковать. Я только слышала о таких, но вот в первый раз вижу, — констатировала Аня, с опаской поднимая глаза.

По лицу Марэя пробежала тень загадочной улыбки. Колдун привычным движением машинально наклонил голову, хитро прищурил глаз, и глянул на Аню как-то сбоку — одной стороной лица, что и сам стал похож на большого чёрного ворона, изучающего добычу, перед тем как начать клевать.

— Видеть судьбу через длань — это твой дар. Знаю, что он тебе не нужен, только мешает.

— Мешает... — как заворожённая одними губами повторила Аня.

— Проклятый дар твою судьбу остановил. Не пойдёшь дальше, пока его не сбросишь. Ну что, отдашь?

— Да, — совершенно не задумываясь, согла-

силась Аня, находясь под гипнозом влажных чёрных глаз колдуна.

— Может, что-то спросить или попросить хочешь?

— Н-не знаю даже...

— Ну, хорошо, — усмехнулся Марэй, — тогда начнём. — Он усадил Аню на табурет посреди кабинета, накрыл голову синей материей. — Ты расслабься, постарайся ни о чём не думать, а главное — глаза не открывай.

Аня почувствовала, что колдун бесцеремонно положил ей на голову тяжёлую книгу и, раскрыв, начал читать усыпляющую тарабарщину, напоминающую мантры.

Знакомая комната: старый бабушкин стол у окна, трельяж, каких теперь уже и не встретишь в современных квартирах, у тёплой печной стены — дочуркина детская кроватка, вечно разобранный сломанный диван — «брачное ложе». Этого скрипучего монстра, пережившего сотню слёзных драм, бывший муж при разводе увезёт куда-то. С кем уж он на нём будет потом выяснять отношения — одному ветру в поле известно, как говорит бабуля. Муж почему-то дома, он молодой, а ещё весёлый и добрый, значит, подшофе. Эх, какой же он всё-таки кудрявый да ладненький, всё при нём!

Аня с ужасом понимает, что это уже было с ней когда-то. И вовсе не какое-нибудь секундное дежавю, а явственное осязаемое прошлое. Она даже знает, что именно случится дальше. И действительно, её крепко обнимает бывший муж, который пока ещё даже и не подозревает, что совсем скоро он станет бывшим:

— Котёнок, а хочешь мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке», а? Будет тебе от меня память!

Аня с отвращением уворачивается от его пьяных поцелуев и утыкается в подушку.

Ведь этого всего уже давно нет, почему же на душе по-прежнему так исключительно противно! Может, надо сказать ему? Попробовать что-то изменить? В её сердце, сжавшемся от подлой неискренности мужа, слабо шевельнулась надежда.

— Никита, ложись спать, не ходи в сенки, не звони никому. Пожалуйста!

— Да я щас, мигом. Курну и всё. Спи.

Дальнейших уговоров муж уже слушать не собирался. Да, ничего невозможно изменить! Но лучше попробовать и пожалеть, чем вовсе не пытаться. Аня валится на подушку, чувствуя невероятную усталость, только сна почему-то нет и нет. Она знает, что не нужно зря травить душу, что Никита сейчас снова там, как тогда, допивает очередную бутылку и болтает по телефону со своей хамоватой любовницей-молодухой, которая внаглую могла названивать по ночам и дуrom лезла в чужую семью, пока не добилась своего.

«Не нужно, не ходи туда, не рви душу, — уговаривает себя Аня, но ноги несут к двери. — Что ты хочешь там услышать? Как человек, которого на божничку посадила¹, тебя с грязью мешают... Или... А вдруг сейчас, вот сейчас всё совсем по-другому будет, вдруг он там просто курит... Покурит и придёт? Ведь не может же просто так — глупо и нелепо — оборваться их большая любовь. Сколько лет ждала его из мореходки, потом с морских вахт. Дождалась. Но как можно забыть страстные встречи — самое яркое, что только и было в жизни! Как же можно было это предать, променять на кого-то?!»

Вот и дверь приоткрыта в сенки, та самая дверь, обитая коричневым дерматином с фигурными гвоздиками-цветочками, дедушка ещё при жизни сам обивал. Вот слышно, как Никита с шумом выдыхает табачный дым, говорит по телефону. С ней — с той другой.

— Котёнок, а хочешь мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке». Будет тебе от меня память!

«Ну, надо же, тварь поганая, ведь слово в слово! Хоть бы одно словечко-то другое вставил! То ли вовсе фантазии нет!» — Аня хватается ковшик — первое, что подвернулось под руку, и кидается на супруга. Лупит, не видя, куда придётся: по голове, по телефону, по пепельнице на столе, по бутылке с остатками вина. Глаза застилает кровавая пелена. Тёмно-рубиновое пятно разрастается на белой поверхности стола, вино тонкой струйкой стекает на пол.

«Не-ет! Ужас! Ужас! Не-ет! Сейчас же дочка проснётся, испугается, начнёт плакать. Бабушка босиком и в одной ночной рубашке ки-

нется защищать меня, отдирать от разъярённого супруга. Какой кошмар. Не хочу!» — Аня закричала, замотала головой из стороны в сторону, как раненый зверь. И открыла глаза.

С удивлением она обнаружила себя в странной комнате колдуна. Вокруг неё в диком вихре неслись все вещи: дубовый стол, полки со старыми книгами и непонятными инструментами. Марэй крепко схватил бедняжку за плечи и остановил кружение.

— Ишь, как беси² крутят. Не бойся. Всё кончилось.

Только теперь Аня начала понемногу приходить в себя и поняла, что не комната кружилась вокруг неё, а это она сама шаталась так, что чуть не слетела с табурета.

Марэй по-отечески похлопал девушку по плечу — ничего, мол, всё перемелется. Потом некоторое время вглядывался в Анино лицо, словно врач, ища остатки недуга.

— Так, ну вот, всё замечательно. Зрачки в норму пришли.

Вдруг в Аниной душе, словно мышь, заскобило острыми коготками сомнение: а правильно ли она поступила?

Девушка замялась и, чтобы оттянуть момент расставания, неожиданно спросила:

— Вот одно только... можно спросить? Раз уж так всё получилось. Что ж меня саму-то в жизни ждёт? Столько рук за свою жизнь прочитала, тайн чужих увидела, а свою руку никогда не могла растолковать.

Колдун улыбнулся ей, словно несмышлёному малышу, который просит о какой-то безделице.

— Ну-ка давай. Как раз и испытаем новые способности, — он вглядывался в Анины ладони, не в силах скрыть удивления, однако на слова остался, как обычно, скуп. — Большие перемены тебя ждут.

— К хорошему или плохому? — неожиданно для себя самой переполошилась Аня.

— К хорошему, — заверил её Марэй и, чуть помолчав, добавил: — Только просьба у меня к тебе: когда будешь в столице в большом почёте, не забудь обо мне. Обещаешь?

¹ Посадить на божничку (фразеол.) — возвеличить.

² Беси — устар. форма; то же, что «бесы».

Ане ничего не оставалось, как неуверенно кивнуть, не в силах оторвать взгляда от прожигающих демонических очей Марэя.

— Ну, да ладно. Всё. Иди.

Выпроваживая клиентку, колдун как будто на самом деле вовсе не хотел, чтобы она уходила. Он лично открыл перед Аней дверь — видимо, это являлось наивысшим проявлением благосклонности магистра. Не сводя с неё глаз, он словно старался как можно лучше запомнить её черты. Так, наверное, смотрят друг на друга очень близкие люди, когда впереди долгая разлука и суровые испытания.

Теперь, когда колдун подошёл так близко, Аня разглядела серебряные ниточки в его вороних кудрях, а в одном ухе маленькую серьгу колечком. «Вот интересно, он армянин или цыган? Имя у него настоящее или выдуманное? Если настоящее, то как его мама в детстве звала? Может быть, Марик?» — отчего-то полезли в Анину голову глупые и ненужные сейчас вопросы.

Словно прочитав её мысли, Марэй попытался улыбнуться ей на прощание. Но, видимо, делал он это столь редко, что подобие улыбки получилось растерянным и беззащитным, обнаружив на щеках магистра трогательные ямочки. В ответ Аня ощутила некий слабый отголосок чувства, похожего на родственное сострадание к этому странному человеку, как будто тот был ей кем-то вроде больного младшего братишки: «Мы теперь чем-то связаны. Навсегда, даже если никогда больше не встретимся, и это неведомое «что-то» породнило нас навеки!»

Напоследок Аня вспомнила о поджидающей в тёмной комнате Яночке и застыдилась, ведь о её жизненно важном вопросе ничего не спросила. Но Марэй, будто угадав вопрос, уверенно сообщил:

— Подруге своей скажи, чтоб ехала к мужику-то и не раздумывала. Не просто так он в её жизни образовался. Всё хорошо у неё с ним будет, пусть не сомневается.

Когда Аня появилась в «зале ожидания», Яночка, всё это время сидевшая как на иголках, кинулась к ней с немым вопросом. Аня твёрдо взяла подругу за руку, лишь шепнула на ухо: «Пошли отсюда!»

Несмотря на вечерний час, на улице было ещё светло. Некоторое время девушки шли молча. Было приятно выйти из подземелья «на волю». Даже тесные дворики казались теперь просторными, а тяжёлый городской воздух — свежим.

Субтильные городские берёзки уже успели украсить себя длинными серёжками и укутаться в нежно-салатовые облачные вуали. Апрельское солнце рассыпало ярко-жёлтые веснушки одуванчиков по игольчатым коврикам травы.

Подруги присели на одинокую лавочку под клёнами. Высокие кудрявые красавцы уже распустили пушистые метёлки, похожие на головы папуасов. Лишь один худенький клён-подросток, отстав от старших собратьев, тянулся к ним изо всех сил. Клейкие разбухшие почки на его тонких ветках, словно крошечные птенцы, широко разинули клювики в немом крике: «Подождите! Возьмите меня с собой!» «Надо же, вот же он, тот трогательный есенинский клёнёночек!»³ — умилилась Аня, удивлённо отметив, как быстро наступила вдруг весна, преобразив всё вокруг до неузнаваемости.

— А помнишь, как раньше, в детстве, мы по дороге в школу или из школы разглядывали каждую былинку, замечали малейшие изменения. А теперь всё внезапно на голову падает: р-раз, и весна! — вслух сказала Аня.

Вдохнув поглубже аромат весны, Аня поведала Яночке о наказе магистра: чтоб та непременно ехала к Адику и не думала сомневаться, а ещё о том, что теперь больше никогда не сможет гадать по руке. Магии больше нет.

— Ка-ак, вообще? Никому-никому? — удивилась Яночка, которая не могла представить подругу отдельно от её удивительного дара. — Ну-ка глянь!

Подруга протянула Ане руку, и та машинально вперилась взглядом в ладонь. Аня по привычке ощупывала тонкие пальчики, холмы и впадины, всё яснее и яснее осознавая,

³ Из стихотворения Сергея Есенина «Там, где капустные грядки...» (1910):

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зелёное вымя сосёт.*

что теперь волшебная дверь закрыта для неё навсегда. Аня ожидала почувствовать разочарование, но вместо этого ощутила лёгкость и умиротворение, словно душа её освободилась от тяжкого опостылевшего груза.

— Ничего не идёт. Ну вот, просто ладонь как ладонь — и всё. Я помню, конечно, прекрасно, как называются линии, холмы, помню все знаки... И что — ничего. Не идёт информация. Закрыто!

— И как тебе? Это хорошо или плохо?

— Н-не знаю пока. Вроде бы вот как-то легче стало, будто камень с души свалился.

— И что, не будет теперь наших гадательных девичников? И никаких тебе предчувствий и никаких больше вещих снов, клиентов, что к тебе толпами ездили?

— Да и слава богу!

— А знаешь, Ань, а ведь не поеду я ни в какую Германию. Мой Адик ведь скоро на пенсию пойдёт. Так вот пусть лучше сам сюда переезжает, раз так любит всё русское. Такой-то домик, как у него, мы себе и здесь запросто организуем, а? Как думаешь?

Анины глаза подозрительно заблестели, и она, еле сдерживаясь, чтобы не закричать от нахлынувшей радости, весело заметила:

— Вот если бы мне ещё сегодня утром сказали, что в нашем городе Бэ под центральной

площадью какой-то жуткий колдун сидит!.. Ну, я бы подумала, что надо мной просто-напросто издеваются!

Безудержный смех вырвался наружу с такой силой, что обеих «переломил пополам». Они хохотали как сумасшедшие, до слёз, до колик в животе, до головокружения. Смешно им было вовсе не от сказанного, а от того, что просто вокруг расцветала весна, а завтра выходные, и скоро настанет долгожданный отпуск, и, вообще, они ещё молоды, и впереди их ждёт всё только самое хорошее и светлое...

Подходя к своему дому, Аня издалека заметила долговязую фигуру Никиты. Он в нерешительности мялся у подъезда. Когда Аня подошла ближе, увидела в руках у бывшего мужа новенькую женскую куртку чудесного бирюзового цвета. «Надо же, я ведь именно такую бы себе и купила... если б деньги были», — только и успела подумать Аня, как оказалась в сильных мужских объятиях.

□

Юлия НИФОНТОВА —

поэт, прозаик.

Окончила Алтайский государственный институт культуры и искусств.

Публиковалась в литературно-художественных журналах «Алтай»,

«Бийский вестник», «Русское эхо», «Луч», «Московский вестник»,

«Роман-журнал. XXI век», «Наш современник» и др.

Автор восьми книг, среди которых «Провода гудящих строчек»,

«Предчувствие», «Осколки матриархата», «Шиза в квадрате» и др.

Лауреат литературных премий им. А. Пушкина (2007),

им. А. Соболева, им. В. Бианки (2011)

и VIII Артиады народов России в лиге мастеров (2006),

«Золотое перо» (2012).

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

